

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИОГРАФИИ

Ковалевская Ю.Н.

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

tura67@mail.ru

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРЕХОД НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ВЕРБАЛЬНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация: Цель статьи – выявить различия в обыденном восприятии постсоветских реформ, которые фиксируются разными типами источников, полученными в рамках одного исследовательского проекта. Полевые источники (сочинения, интервью, фотографии) были собраны в 2012–2017 гг. во время поездок по Приморскому и Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям. С помощью качественных методов выделены группы фактов, которые являются событиями, инвариантными для всех источников, и явления, которые зафиксированы в источниках одного типа, но нерелевантны для других. Сравнение визуальных и вербальных источников (аудио- и письменных) позволяет также выявить зазор между фактом и его интерпретацией, или, вернее, между различными типами интерпретаций пережитого опыта. Общий анализ комплекса источников позволяет проследить не только значимые события, но и рутинные, обыденные практики, которые фиксируются случайно, а также скрытые смыслы, которые можно понять только из общего контекста. Определено, что наиболее повторяющимся сюжетом во всех видах источников является разрушение советских индустриальных структур, которые являлись не только основой повседневного жизнеобеспечения, но и социальными и культурными доминантами местного сообщества. Кризис повседневности и аномия/«беспредел» становятся центром нарратива о 1990-х гг., что объясняется как реальным травматическим опытом, так и законами повествовательного жанра, где эти «события» играют роль сюжетной кульминации. В визуальных источниках фиксируется не только деградация материальной среды, крайняя неравномерность и дисгармония современного социального пространства, но и приметы реновации старых советских объектов, а также совершенно новые предметы и отношения, в которых, собственно, и реализованы достижения современности. Общим контекстом всех источников является восприятие 1990-х гг. как «революции перераспределения», в которой Дальний Восток как регион и большинство его жителей стали жертвами «демодернизации сверху» и утратили значительную часть материальных и символических ресурсов.

Ключевые слова: исторические источники, 1990-е гг., Дальний Восток России, «документы человеческой жизни», постсоветское общество, повседневность, кризис, демодернизация

Сотрудниками отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН в период 2012–2017 гг. во время поездок по Приморскому и Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям были собраны полевые материалы: сочинения, интервью, фотографии. Эти эмпирические материалы относятся к документам личного характера, или «человеческим документам». Считается, что метод анализа личных документов (биографический метод) впервые описан в книге Ф.

Знанецкого «Науки о культуре» (1952)¹. В России методологию анализа личных документов применительно к исследованию повседневности разрабатывали Т. Шанин², Н. Козлова³ и др.

Статус эмпирических материалов можно обозначить как «многоголосье» информантов. Так, М. Буравой отмечает, что «задача социологии состоит в том, чтобы понять смысл высказываний каждого, продемонстрировать их взаимосвязь, а не играть ими как разрозненными и несвязанными. Конечно, это сложно: некоторые голоса будут заглушены, а некоторые – усилены. Нам следует позволить им выговориться, оспаривать и изменять нашу “госпожу – повествование”. И это не причина отказываться от полифонии»⁴.

Этот постулат актуален и для социальной истории. Понимание «документов человеческой жизни» возможно только через послойное расширение контекста всеми возможными способами: с помощью архивных и краеведческих источников, СМИ, художественной литературы, статистики и текстов экспертов.

Ближайшим контекстом найденного документа (взятого интервью) являются другие документы (интервью) из того же кейса. Вместе они образуют гипертекст, в котором выделяются «тропы» в обоих смыслах этого слова: 1) повторяющиеся сюжеты, как натоптанные тропинки; 2) «сильные высказывания» – образы, метафоры – могут быть единичными, но интересны именно своей уникальностью. Таким образом, интерпретация полевых документов происходит так же, как их сбор: «герменевтический круг» – подобие «снежного кома». Наше исследование включает вербальные источники (74 сочинения и 20 интервью) и фотографии (исследовано более 100, представлено в статье – 20).

Вербальные источники: Сочинения. При работе по гранту РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» был осуществлен проект «Напишем историю вместе...», где жителям Дальнего Востока было предложено написать небольшое сочинение про перестройку. В результате было получено 72 сочинения, объемом 2-4 страницы рукописного текста. Возраст авторов сочинений обусловлен характером исследования – в основном это люди старшего поколения, которые имеют возможность сравнивать советскую, перестроечную и постсоветскую реальность. Среди авторов 49 женщин и 20 мужчин. Профессии представлены очень широко: среди «сочинителей» присутствуют ученик средней школы, студент, м.н.с. ТИПРО, пекарь, доярка, нейрохирург, фармацевт, палеонтолог, режиссер, кондитер, акушерка, паспортист, офицер ВМФ, геолог, библиотекарь, технолог, инженер, продавец, санинспектор, учитель, повар, врач, моряк-судоводитель, капитан. География охватывает почти весь регион – Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск, Корсаков, Комсомольск-на-Амуре; хотя из-за условий сбора сочинений больше респондентов с юга Дальнего Востока и Приморья – городов Владивосток, Находка, Уссурийск, Партизанск, Дальнереченск, Дальнегорск, Лесозаводск, Арсеньев, поселков Терней, Преображение, Трудовое, Киевка, Ивановка, Рошино, Благодатное. Для сравнения есть два сочинения из-за пределов Дальнего Востока – из Ярославской области и Днепропетровска.

Первое яркое впечатление от сочинений в целом – их содержательное и стилевое единство, так что они воспринимаются в комплексе как гипертекст. Несмотря на все отличия авторов (разный пол, возраст, образование, статус, биографию), их общность как поколения,

¹ Чеснокова В.Ф. Флориан Знанецкий. «Науки о культуре» Метод личных документов// Чеснокова В.Ф. Язык социологии. М.: ОГИ, 2010. С. 226-257. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/11/18/chesn/> (дата обращения: 7.06.2018).

² Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни// Социологический журнал, 1998. № 3-4. С. 101-116.

³ Козлова Н., Сандомирская И. Я так хочу назвать кино. Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения. - М.: Гнозис, 1996. - 256 с.

⁴ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом// Рубеж, 1998. № 10-11. С. 171-172.

объединенного «духом времени», превосходит индивидуальные различия. Даже если респонденты по-разному отвечают на вопросы, они находятся в одном проблемном поле. Отчасти это свидетельствует о культурной гомогенности позднего советского общества, но не только. Чтение писем и мемуаров любой эпохи, например, пушкинской, дает тот же эффект. Уникальный исторический опыт, зафиксированный в языке, – это главное достоинство источников личного характера (мемуаров, писем, дневников). Представленные сочинения являются, по сути, кратким мемуарным рассказом.

Сочинения, как и другие качественные полевые источники, выявляют самый сложный для исследователя современной истории момент: производство новых форм социальности, возникновение новых институтов из множества отдельных повседневных практик, т.е. соединение личной биографии и изменяющихся макросоциальных структур. В текстах сочинений можно также попытаться выявить законы исторической памяти: как соотносятся личные воспоминания и «большая история».

Анализ сочинений в целом показывает, что собственно перестройка (1985–1991 гг.) в исторической памяти дальневосточников воспринимается как переходный этап, разделяющий стабильную советскую эпоху и турбулентный период 1990-х гг.: «*Это было начало новой эпохи в жизни СССР*»¹.

Тексты воспоминаний позволяют утверждать, что первоначальная оценка перестройки многократно изменялась и уточнялась, причем эти изменения диктуются, прежде всего, сравнением с актуальной ситуацией, а также вырабатываются в процессе многократного обсуждения. Восприятие позднего советского периода как «бедного», «скудного», «застойного» сменилась ностальгией по «стабильности» и «безопасности». Надежды сменились разочарованием: «*И тут грянула перестройка. Люди с радостью и надеждой смотрели в будущее: “Что нас там ждет? Наверняка мы будем жить лучше!”*. Появилась “свобода”. Но в чем она была выражена? Рынок стал свободным и диким, начали рушиться госпредприятия, началась повальная безработица, зарплаты люди не видели по полгода»². В целом восприятие перестройки не выходит за рамки представления о «нормальных», повседневных, житейских ситуациях: «*Особенно негативных воспоминаний о том периоде у меня не осталось, но и хорошего тоже ничего не происходило. Просто в один момент все рухнуло. То, во что мы так верили, вдруг перестало существовать*»³.

Девяностые годы оцениваются более негативно и драматично, но только поколением 1960–1970 гг. рождения: «*[После перестройки] произошел полный развал страны, того времени... Люди потеряли себя. Произошла ваучеризация страны. Экономика была на нуле. Стали происходить массовые сокращения производств, росли задолженности зарплат. У мужчин выбили почву из под ног... Это было время безнадёги. Люди были на грани выживания*»⁴. Для поколений, переживших коллективизацию и войну, трудности «бурных девяностых» представляются весьма умеренными.

Среди утрат постсоветского времени для большинства респондентов самыми болезненными были распад производства и закрытие предприятий: «*Время до перестройки и после можно соотнести как небо – земля. После перестройки закрыли все заводы, комбинаты, люди потеряли работу. Жили в основном в долг, денег не было*»⁵. И это не случайно, так как для советского общества именно рабочее место было «точкой сборки» социальности. Не только зарплата, но и жилье, детский сад, детские летние лагеря, санатории и пр. были связаны с рабочим местом. Работа (включая сюда и детсад, а потом школу) была основной социальной ячейкой для человека, конкурируя в этом смысле даже с семьей.

¹ Архив отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН (АОСПИ). Сочинение 68.

² АОСПИ. Соч. 64.

³ АОСПИ. Соч. 28.

⁴ АОСПИ. Соч. 40.

⁵ АОСПИ. Соч. 49.

Именно разрушение этой ключевой сферы повседневной жизни имело самые тяжелые последствия для населения. Тем более что дальнейшее развитие российского общества не привело к полноценному развитию институтов, которые могли бы компенсировать эту утрату: *«Во времена СССР у нас был богатый чистый город... Во время перестройки развалилась вся страна и, конечно же, наш город»*¹. В России в 1990-е гг. социальность сжалась до размеров семьи и ближайшего дружеского окружения.

Восстановление разорванных социальных связей, компенсация пустоты, вызванной уходом государства из сферы производства и распределения повседневных благ, поиск новых смыслов жизни – это немалый труд, который осуществило поколение, пережившее перестройку, что дает ему основания для самоуважения. Не только какие-то видимые успехи (известность, богатство, статус), но чувство полноты опыта, успешного преодоления «безвременья», «распада связи времен» переживаются людьми как личное достижение: *«Что нового принесла в мою жизнь перестройка? Она научила меня жить и выживать. И я была молода»*².

Не оспаривая распространенного убеждения, что историческая память является «мифологичной», скажу лишь, что содержание этих «мифов» не является произвольным и кем-то сознательно навязанным. За стереотипами общественного сознания стоит некая реальность, и если это не реальность объективного факта, то внутренняя психологическая потребность, то есть тоже социальный факт особого рода.

Прочно закрепляются в памяти не услышанные, прочитанные, а пережитые общие, совпадающие у большинства ситуации повседневного опыта: *«Именно в истории семьи отражается история всей страны, но только каким-то своим, совершенно неповторимым и в то же время одинаковым способом»*³.

Интервью. Во время экспедиций в 2012–2014 гг. (Амурская и Сахалинская области, Хабаровский и Приморский края) были собраны полуформализованные интервью. Сбор интервью осуществлялся методом «снежного кома» среди представителей власти, бизнеса, обычных людей указанных регионов. В основе интервью лежало три блока вопросов: биографический (цель – показать особенности адаптации человека при переходе от социализма к рынку); региональный (оценить потенциал модернизации и программ развития региона, с точки зрения информанта); сравнительно-исторический (зафиксировать оценки респондентами некоторых параметров позднего советского периода, перестройки и рыночных реформ). Интервью изначально предназначались не для количественного анализа (для этих целей проводилось анкетирование), а рассматривались как исследование качественным методом «устной истории», которое позволяет получить «плотное описание» изучаемой эпохи, зафиксировать конкретные практики выживания в условиях резких социальных трансформаций, а также попытки их осмысления и описания самими действующими лицами.

Собранные в разных регионах Дальнего Востока интервью ярко рисуют картину деградации социального пространства, разрывы социальной ткани и обнаружение тех скрытых несущих основ повседневности, которые население не осознавало и не ценило, пока они не стали исчезать.

Из интервью с главой района, Сахалинская область: *«Уезжают. Район был 49 тыс., осталось 20. Бум(ажный) завод был. В 13 стран мира шла бумага. Мудро было устроено производство – излишками тепла отапливались жилые микрорайоны. Теперь все закрыто, ничего нет. Совхоз К. был одним из лучших на Дальнем Востоке и в Сибири. 10 тыс. голов скота. Осталось 18. Во всем районе 1300, десятая часть. И все заросшее вокруг, все поля»*⁴.

¹ АОСПИ. Соч. 61.

² АОСПИ. Соч. 51.

³ АОСПИ. Соч. 19.

⁴ АОСПИ. Интервью А 007.

Предприниматель из Хабаровска: *«Взять город Хабаровск, здесь никакого производства не осталось. То есть у нас нету ни станкостроительных, нет ничего. Какой-то там «Энергомаш» ещё не дали обанкротить, потому как там есть второй внутри него завод секретный. А остальные – все площади розданы под торговые центры. Был завод – стал магазин. Вот и всё. А где людям работать? Это же всё приводит к тому, что деградация у мужского населения, ну они же, как неприкаянные»¹.*

В некоторых интервью проявляется осознание того, что советские социальные классы утрачивают свои позиции (статус, престиж, символический капитал), а на смену им приходят новые, но не лучшие.

Прежде всего пострадали квалифицированные рабочие и технические специалисты: *«Может, вам смешно будет, но я, когда начинал работать... Я вот на работе навкальваюсь, устану (работал слесарем, железяки таскал). Иногда иду и пою песню “Я люблю тебя, жизнь”. Да, вот мне приятно было: хорошая погода, помылся в ванне после работы, идёшь там, наработался. Знаю, что у меня завтра тоже есть работа, у меня любимая девушка там есть и кто-то меня ждёт. Жизнь прекрасна была. Раньше человек труда себя уважал. Да я этого не стеснялся, и я, так сказать, в это верил... А сейчас вот с большим человеком разговариваю и говорю: “А как же люди, вот закроем предприятие, куда люди пойдут? Вот шахты закроются, а куда люди? А что с ними будет?” Сидит вот так вот, ногу на ногу положил, смеётся и говорит: “А чё такое люди?”. Он моложе меня в два раза, работает уже там... в областной администрации, сидит вот так вот, развалился и говорит: “А чё такое люди? А чё там? У нас, говорит, разные понятия о бизнесе... Люди – это мы. Да люди, – говорит, – найдут, как там выжить, они обойдутся”»².*

Резко снизился уровень жизни интеллигенции: *«Родители: мать была преподавателем, она и сейчас преподаватель, отец геофизик, преподавал уроки физики; им не платили вообще, ну платили в мае за прошлый октябрь, как-то так, в общем. Так как оба были из потомственной интеллигенции, хозяйством заниматься не умели и дачного участка, который, в общем-то, спасал всех остальных, у нас как бы практически не было, то есть такой вот дачи, там картошки на зиму – в принципе у нас такого не было, жить было вообще просто не на что»³.*

Безусловно, те разрушения, которые вызвал уход государства из сферы производства и распределения повседневных благ, отчасти были компенсированы личными усилиями людей. С помощью дополнительной занятости, смены работы, отъезда на заработки, занятия мелким бизнесом удавалось поднять доходы и свести концы с концами. Однако современники смутно чувствовали, что новая реальность по степени цивилизованности ниже, чем советская. Учителя, которые уходили в челноки, инженеры, которые ловили рыбу и продавали дикоросы, рабочие, занявшиеся мелким извозом, спортсмены, ушедшие в охранники или бандиты, могли даже выиграть в доходе, но чувствовали психологический дискомфорт: *«Лично для него есть вопрос не просто денег, а еще вопрос какого-то личного статуса, когда люди в нем теряют: уходят из любимой профессии, из своего дела... Уходят там или уезжают на заработки, идут в тайгу там, я не знаю, то есть вот это как это назвать можно – профессиональная дисквалификация, это же очень резко меняет статус человека. Он-то выживет, он-то приспособится, он-то заработает денег, но он не занимается тем, чем он хотел заниматься»⁴.*

Даже люди, которые преуспели в новых обстоятельствах, были шокированы грубостью и дикостью новой жизни. Вот как вспоминает контраст между советским временем и ранними 90-ми выпускник Восточного института ДВГУ, комсомольский работник, затем советский управленец, который пытался «встроиться в рынок» (г.

¹ АОСПИ. Инт. С 004.

² АОСПИ. Инт. А 010.

³ АОСПИ. Инт. А 100.

⁴ АОСПИ. Инт. А 016.

Владивосток): «Цеховики не местные были, привозили товар из разных городов. Но вот те, о которых я говорю, прилетали – то ли армянские евреи, помню даже лица... – они, по моему, из Новосибирска... Водки принесли, сало принесли, колбасы принесли, консервы. (Вижу) – бритвы опасные. Мне это сразу не понравилось, – из кармана достают опасные бритвы, бритвами порезали колбасу – бах, бах... Ну, где-то часик мы там посидели, попили – приезжают ребята, то ли коробку, то ли две из под женских сапог на стол, крышку открывают, а там деньги. Это не кино, веришь, это я сам видел»¹.

Переход от старых форм организации производства и повседневной жизни к новым носил иногда очень странные, гротескные формы. Вот, например, как выглядела приватизация локомотивного депо в одном из городков Сахалинской области: «Тут как раз, вот, переходный период. Вроде, как и бизнес начинается, а зарплату не платят... И поэтому перспектива была непонятна. Но я, как бы, не побоялся... Весь свой, так сказать, капитал, который мне принадлежал в плане заработной платы, которая мне не выплачена была, по сути, за полгода там или как, да? ... Все деньги, которые мне причитались, ... я не побоялся и зарплату эту всю, так сказать, вложил и что смог, так сказать, выкупил предприятие. Вот. Потом, значит, когда, естественно, средств у меня не хватило на всё, мы еще сделали как: часть оборудования, которое необходимо было для работы, тоже с работниками, старыми работниками, которые всю жизнь проработали, да? Ну, у меня всегда нормальный контакт был с такими людьми, значит. И мы договорились, что мы им это имущество продаем в счет заработной платы с тем, что я обещаю и клянусь, что когда мы организуем новое предприятие, я сначала у них возьму его в аренду – это оборудование, для того, чтобы работать. Это вполне законные способы, так сказать. И с последующим выкупом. То есть он ему не нужен, тепловоз этот, да? Иван Петровичу какому-то. Он, тепловоз, ему не нужен. Но там их, предположим 5-6 человек. У них по зарплате посмотрели – хватает на этот тепловоз. Они, это..., дают согласие. В счет заработной платы я им отдаю тепловоз. Они с этим тепловозом тут же приходят ко мне на новое предприятие. Я с ними заключаю договор, и эксплуатируем этот тепловоз, так сказать. И им заработную... деньги, так сказать, Я им успешно выплачиваю и забираю тепловоз, то есть у нас все это без трений, и слава Богу. И вот так все имущество осталось, так сказать, в предприятии не тронута и, так сказать, не разворовано, никто на металлолом ничего не порезал, как многие другие предприятия»².

Очень медленно на месте разрушенных советских форм солидарности восстанавливались старые и возникали новые. Из интервью с главой района: «Когда я пришел, народ забыл, что такое пойти в Дом культуры, забыл, когда спектакль какой-нибудь приезжал. Вначале я раздавал билеты по управлениям – тому 100 билетов, тому 20... Да. Насильно загоняли, возмущались: “Мы не будем, мы не пойдём!!!” Первое (время) это было с боем. Потом уже билетов не достать. Последнее, что проводили – праздник русского чая. Народу было столько, что даже журналисты удивились – не знали, что столько народу в городе живет. Все вывалили вот сюда на стадион. И файер-шоу было, и другой концерт... И это притом, что не было спиртного, и не было курящих. Притом, что у нас в районе на 230-260 млн. руб. пропивают – по 13-15 тысяч рублей на человека, включая грудных младенцев»³.

Из интервью с самозанятым, владельцем грузовика:

«– Налоги, сам понимаю, что государству надо платить, потому что... Ну, как ни как, мы себя кормим и пускай еще кого-нибудь будем кормить...

– Вас привлекают как предпринимателя на организацию городского праздника или на благоустройство города?

¹ АОСПИ. Инт. А 023.

² АОСПИ. Инт. А 009.

³ АОСПИ. Инт. А 007.

– Конечно.

– То есть вы даете деньги?

– Ну, не деньги, а где-то техника... Договора, бывает, заключаем, где-то надо там, естественно, безвозмездно помочь, бывает.

– То есть вы участвуете?

– Ну, а как иначе, здесь же наш город!... Как я... Если нужна какая-нибудь помощь в разумных пределах, то, конечно, поможем»¹.

Даже тридцать лет спустя после перестройки остаются феномены, которых люди не принимают ни с рациональной, ни с моральной точки зрения: «Почему вот народ, люди, они часто не удовлетворены... ситуацией... в отношении нынешнего руководства государства там, Единой России, Путина, Медведева...? В основном всё-таки из-за расслоения, из-за чудовищного расслоения. Есть такие суммы, которые большие, но непонятные, да? Когда часы (стоят) триста тысяч долларов. Ну, не потому, что жалко, или потому, что я там завидую, но это непонятно просто»².

На вопрос, соответствует ли политика правительства запросам и ожиданиям населения, один из респондентов ответил: «Совпадает она настолько, насколько это нужно тем, у кого есть деньги, вот и всё.

– А должна с чем совпадать?

– А должна совпадать с тем, чтобы люди массово были заняты, чтобы у каждого была работа, чтобы всё население было занято, чтобы люди могли работать, ходить на работу»³.

Наиболее повторяющийся и яркий мотив интервью – распад советских социальных институтов и его последствия для повседневной жизни. Респонденты наполняют конкретным историческим содержанием термин Э. Дюркгейма «аномия», который они называют «беспредел». Этот термин описывает разрушение тех структур, которые лежат в основе повседневных практик и не осознаются до тех пор, пока работают «в автоматическом режиме». Зато их разрушение, распад социальной ткани ставит человека в ситуацию «голый человек на голой земле», а человеческие взаимоотношения – в состояние «война всех против всех». Это были признаки распада не советского строя, а цивилизованности как таковой. Возродились формы жизни, которые считались отмершими после 1917 г.: натуральное хозяйство и бартер, оплата натурой, безработица, похищение людей, проституция, отходничество и т.п.

Структуры повседневности советского типа были интегрированы в единую систему, где жизнеобеспечение и контроль обеспечивали одни и те же институты. Предприятие (наряду со школой) в СССР создавало не только товарную продукцию, но являлось особой формой социальности, которое воспроизводило все базовые структуры повседневности: там осваивались предметные практики, трудовые ритмы, формы социальной мобильности, жизненный стиль и практическая рациональность. Перевод предприятий на «самофинансирование и самокупаемость» разрушил производственно-экономические связи, которые создавались десятилетиями. Уход государства из производственной сферы породил цепную реакцию распада социальной ткани: утрата работы, заработка, статуса «кормильца семьи», долги по ЖКХ, разрушение дорог и транспортной сети, закрытие котельных, школ, больниц, появление депрессивных регионов, расширение девиантного и криминального поведения, бегство населения.

Дальний Восток России имеет, безусловно, свою специфику, но сдвиг и разломы повседневности в постсоветское время проходили по тем же линиям, что и в других регионах России, усугубляясь из-за удаленности края и суровых природных условий.

¹ АОСПИ. Инт. А 014.

² АОСПИ. Инт. А 010.

³ АОСПИ. Инт. А 010.

Интервью также отражают некоторую разницу в повседневных практиках и ценностях мужчин и женщин. Мужчины более амбициозны и индивидуалистичны. Женщины тратят значительные усилия не столько на вертикальную мобильность, сколько на выживание семьи и создание горизонтальных сетей поддержки. В период кризиса повседневности решения могли быть весьма рискованными: *«Я поняла, что надо мужика, чтобы отбиться, чтобы вставить розетки... Я взяла, стащила у отца белые шорты, которые он привез из Вьетнама..., майку, которую ему подарили американцы, потому что он возил их на рыбалку. Причем отец у меня ядерный физик из Академгородка, ... и сказала себе, пусть будет первый же мужик, который ко мне подойдет, потому что иначе мне конец. Вот прошло минут десять буквально, значит, тут же ко мне подвалил такой же точно бедолага, как я, которому негде было жить. Мы сразу друг друга поняли. ... Ну вот, значит, мы с этим пареньком, он такой оглянулся по сторонам – где можно пожрать, и вот, что я хотела рассказать. Совершенно неожиданный ход стратегии выживания: он устроился, записался в школу, миссионерскую школу на изучение Евангелия. Какие-то корейские баптисты или протестанты, их была тьма тьмуца в Хабаровске, вот они организовывали такие семинары, где платили стипендию, где кормили, причем кормили очень хорошо... И он устроился ночным сторожем, охранять гуманитарную миссию, гуманитарную помощь, которая приходила. Каждое утро он приходил с вот такими баулами гуманитарной помощи. Но мы не считали за кражу, потому что, во-первых, это Бог посылал, а во-вторых, более нуждающихся голодранцев, чем мы, не было»¹.*

Вокруг успешной женщины возникают расширяющиеся круги солидарности: семья => трудовой коллектив (с семьями) => объекты благотворительности (частные лица, школы, детские дома, спортивные организации и т.п.) => органы местного самоуправления. У многих наших респонденток есть постоянный или возникший по ситуации «актив», который позволяет им добиваться поставленных коллективных целей. Таким образом, они не просто выживают сами, но и создают институты взаимопомощи: *«Очень бодем за район, очень люблю свой район... Приехала сюда по направлению, в семьдесят девятом году... Девчат у меня 17 работников... Я ... была директором Дома торговли здесь, при Х. горно-обогатительном комбинате... Коллектив весь мой практически сохранился... Помогаю я, ... абсолютно, ... вторая школа, интернаты, детский дом»².*

Женщины уделяют также большое внимание качеству среды обитания – для них важны хорошая экология, красота и комфорт городского пространства, наличие объектов культуры, психологический климат: *«Молодежи нужны не только деньги. Им нужна нормальная среда – чтобы нормально жить, чтобы дети могли тут остаться... Даже внешний облик города более привлекательный... Более чистенький, облагороженный... Опрятные тротуары, озеленение... Благоустройство и рабочие места – вот самое главное»³.* Отсутствие комфортной среды является одной из причин оттока населения с Дальнего Востока.

Аудио-источники (интервью) показывают рыночные реформы на Дальнем Востоке России как «революцию перераспределения», или инволюцию. Увеличилась дифференциация доходов как в географическом отношении (в зависимости от места проживания людей и размера населенного пункта), так и в социальном (иерархия общественных слоев). Возникший в 1990-е гг. и существующий до настоящего времени уровень неравенства не просто осуждается респондентами, а воспринимается как нечто абсурдное, выходящее за пределы здравого смысла.

Воспоминания строятся по принципу бинарной оппозиции: сравнительное благополучие и равенство советского периода противопоставляются бедствиям и резкому

¹ АОСПИ. Инт. А 100.

² АОСПИ. Инт. D 001.

³ АОСПИ. Инт. А 017.

росту неравенства в 1990-е гг., а все последующие годы рассматриваются как «наши дни» и оцениваются не в общем, а ситуативно.

В целом вербальные полевые материалы (сочинения и интервью) являются достоверным источником по истории постсоветского периода и не противоречат данным статистики и заключениям экспертов. Более того, они содержат уникальное знание, фиксируют личностную и региональную специфику становления и повседневных проявлений постсоветских институтов и новой социальной иерархии, а также закрепление этого знания в современном языке.

Визуальные источники: Фотографии. В период работы над проектом были сфотографированы, а также собраны в СМИ и социальных сетях сотни фотографий тех населенных пунктов, где проходили исследования.

Фотография является особым видом источника и ее можно исследовать различными методами. Многообразие исследовательских подходов к визуальным источникам отображено в труде П. Штомпки¹.

В постструктуралистской теории П. Бурдьё одна из основных его тем — тема физического пространства в социальном измерении: «архитектурные пространства несомненно являются наиболее важными составляющими символической власти»². Концептуальное представление о визуальной социологии изложил в 1984 г. американский исследователь М. Хилл. Его интересовало среди прочего, как характер и организация общества могут быть показаны через анализ изображений. Постмодернистская критика поставила под сомнение объективность отображения реальности в фотографии. Фотография может «симулировать» ту социальную реальность, которой никогда не было, исказить истинное положение вещей в соответствии с ценностями и идеями фотографирующихся или фотографа, создавать новую реальность с помощью трансляции образов, эмоций, смыслов³.

Не отрицая этих аспектов фотографии, мы исследуем ее возможности в том диапазоне, где она именно фиксирует реальные объекты и их соотношение. Мы используем их в соответствии с идеей Н.А. Гоманюка, что «репрезентативность фотографии — это свойство фотографии как репродукции отдельных элементов социальной реальности (выборочной совокупности) воспроизводить параметры (социально-демографические, гендерные, экономические и др.) и значимые элементы (хабитусы, позы, отдельные предметы) изображаемой социальной реальности (генеральной совокупности). Фотография, как и выборка, может претендовать на репрезентативность»⁴.

Фотографии собирались с целью получить зримые материальные результаты рыночных реформ и постсоветской модернизации. Соответственно, на них зафиксированы три вида артефактов: разрушенные и заброшенные советские объекты, переходные формы существования, где отражается «творческое разрушение» (по Шумпетеру) или новые функции осуществляются в старых советских декорациях, а также совершенно новые объекты, в которых, собственно, и реализованы достижения современности.

Фотографии отражают неравномерность постсоветского развития в пространственном отношении: чем севернее местность, больше расстояние от регионального центра и меньше населенный пункт, тем сильнее негативные последствия реформ преобладают над позитивными. Многие отдаленные и небольшие поселения либо полностью лишились

¹ Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 168 с.

² Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // П. Бурдьё. Социология политики / пер. с фр.; сост., общая редакция и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio_Logos, 1993. С. 36-40.

³ Нарская Н.В. Визуальная социология: из истории становления. URL: <http://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/5572/41.pdf?sequence=1> (дата обращения: 15.05.2018).

⁴ Гоманюк Н.А. Отражение социокультурных изменений в визуальной саморепрезентации. Одесса: Изд-во Одесского ун-та, 2003. С. 119-123. URL: http://ekhsuir.kspu.edu/bitstream/123456789/2668/1/14_vizualnaya%20samoreprezentaciya.pdf (дата обращения: 10.05.2018).

жителей и перестали существовать, либо находятся в стадии умирания из-за закрытия как сельскохозяйственных, так и промышленных предприятий и отсутствия иных ресурсов выживания (фото 1, 2).



Бывший совхоз «Ударный», Сахалин

Фото 1.
Фото 2. Закрытый пос. Тельновск, Сахалин

Образы разрушенных советских предприятий – самый яркий сюжет фотографий по многим причинам. Во-первых, обычно это самые крупные архитектурные объекты в поселении. Их развалины обладают эстетической ценностью, они интересны и вызывают эмоции. Во-вторых, они являлись не только архитектурной, но и политической, социальной и культурной доминантой местного сообщества. Советская власть придавала крупному индустриальному производству особую символическую ценность, это были зримые доказательства преимуществ социализма, технического и социального прогресса. Крупное предприятие было центром поселения, придавало ему смысл. В-третьих, предприятие играло важнейшую роль в обеспечении повседневного жизнеобеспечения: от него зависели зарплата, жилье, социальная помощь и т.п. Именно поэтому разрушение этих объектов – драматическое событие для жителей, особенно в моногородах (фото 3, 4).



Фото 3. Хрустальненский ГОК, п. Кавалерово, Приморский край

Фото 4. Целлюлозно-бумажный завод, г. Углегорск, Сахалин

Если крупные объекты советской эпохи на периферии вымерли, как динозавры, более мелкие ее сооружения сохраняют жизнь, хотя выполняют иные функции в ином контексте.

Наиболее сохранными объектами являются здания администрации, влиятельных госкорпораций (РЖД, МЧС, Сбербанк и т.д.), некоторые уцелевшие после «оптимизации» учреждения бюджетной сферы (школы, больницы) (фото 5, 6).



Фото 5. Офис РЖД, г. Углегорск, Амурской области



Фото 6. Здание МЧС, г. Шахтерск, Сахалин

Практически в каждом жилом доме находится предприятие «малого бизнеса» – магазинчик, парикмахерская и т.п. Старые советские дома демонстрируют следы постсоветского ремонта – как централизованного (например, крыша, перекрытая черепицей, стены, закрытые сайдингом за счет федерального или местного бюджета), так и частного (пластиковые окна, балконы, внешнее утепление стен) (фото 7, 8).



Фото 7. Новая крыша и магазинчики в «сталинке», г. Шахтерск, Сахалин



Фото 8. Пластиковый балкон и окна в старом доме, г. Южно-Сахалинск

Некоторые советские предприятия приватизированы и работают в новом, обычно сильно сокращенном и упрощенном формате. Например, угольные шахты заменены открытыми угольными бассейнами, где число рабочих мест было сокращено и ухудшились условия труда (фото 9, 10).



Фото 9. Здание администрации закрытой шахты, г. Шахтерск, Сахалин



Фото 10. Открытый угольный карьер недалеко от г. Шахтерска, Сахалин

Экономическая оптимизация многих предприятий приобретает гротескные визуальные формы: используется только часть территории или помещений, остальное зарастает бурьяном, ржавеет и гниет (фото 11, 12).



Фото 11. Порт в г. Углегорск, Сахалин



Фото 12. Ржавое судно в порту г. Углегорска, Сахалин

Практически каждый населенный пункт демонстрирует крайнюю неравномерность и дисгармонию социального развития, причем не в классическом (когда богатые кварталы отделены от бедных), а в совершенно хаотичном виде. Отремонтированный дом стоит рядом с брошенным, рядом со зданием «Сбербанка» находится сгоревший барак, возле школы – полуразрушенное общежитие, и т.д. (см. фото 13, 14).



Фото 13. Магазин рядом с частично нежилым общежитием, г. Дальнегорск, Приморский край



Фото 14. Разрушенное и отремонтированное здания в центре г. Шахтерска, Сахалин

Систематическая новая застройка, включающая внятный план и объекты социальной инфраструктуры, возникает либо в сравнительно крупных городах (например, квартал «Снеговая падь» во Владивостоке), либо в результате восстановления жилого фонда после

природных катастроф (землетрясение в г. Невельск, Сахалин) – чаще всего за счет федерального бюджета (фото 15, 16).



Фото 15. Квартал, построенный по программе переселения из ветхого жилья, г. Комсомольск-на-Амуре

Фото 16. Г. Невельск, Сахалин - целиком отстроен заново после землетрясения

Новые объекты отражают изменение системы социального господства и символических ценностей: вместо индустриального производства доминирует «третий сектор», то есть управление, информация, торговля, сфера услуг. В крупных городах торгово-развлекательные центры либо прямо занимают помещения бывших фабрик и заводов, либо являются новыми архитектурными доминантами городского пространства¹ (фото 17, 18).



Фото 17. Арт-проект Т. Радя на стене бывшей фабрики «Заря», г. Владивосток

Фото 18. Новый торговый центр в г. Южно-Сахалинск

В тех населенных пунктах, где недостаточно потребителей для появления крупных коммерческих объектов, доминантами являются административные здания государственных ведомств с бизнес-интересами, например, таможня или пенсионный фонд (рис. 19). Совершенно новыми архитектурными доминантами для небольших городов и поселков, возникших в советское время, стали храмы (фото. 20).

¹ Захарова Н.Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа// Журнал социологии и социальной антропологии, 2008. Т. 11. № 1. С. 160.



Фото 19. Таможня, п. Краскино, Приморский край

Фото 20. Храм, г. Углегорск, Сахалин

Резюме. Таким образом, с содержательной стороны, блок наиболее совпадающих во всех видах источников данных – это информация об утратах 1990-х, о резком сломе повседневности. Эти же утраченные социокультурные доминанты и кризис повседневности в воспоминаниях также являются «событиями» – тем, что резко выделяется из обычной рутинной жизни, а также отличает одну эпоху от другой.

Люди и едят, и проговаривают, и на фотографиях фиксируют свой травматический опыт или, по крайней мере, общезначимые символически нагруженные события. «Ностальгия по советскому» объясняется не консерватизмом и идеологической ангажированностью, а отсутствием институтов, которые на современном уровне обеспечивали бы гражданские права местного населения, его экономические, социальные и культурные потребности. На обыденном уровне отсутствует также общественный консенсус по поводу основных ценностей и общего блага, единая система повседневной рациональности находится в стадии становления.

Региональная политика государства не отличается последовательностью, интересы местных жителей не учитываются, у малых населенных пунктов нет ресурсов ни на поддержку старой материальной и социальной инфраструктуры, ни на то, чтобы компактно сконцентрировать поселение и оптимизировать расходы. Поэтому дальневосточные города и поселки, за редким исключением, выглядят выморочными, бедными и некрасивыми. В связи с деградацией материальной и социокультурной среды на местах, наиболее рациональная стратегия и самый доступный канал социальной мобильности (особенно для молодежи) – переезд в крупный региональный центр, а при возможности – в одну из столиц.

Частный рутинный быт, хотя и он сильно изменился, не является центром нарратива, хотя и присутствует в виде фона. Фотографии, однако же, фиксируют приметы нового быта – вывески маленьких магазинчиков почти в каждом доме, дорогие машины возле обшарпанных подъездов и на разбитых дорогах, следы «евроремонта» внутри квартир, селфи с поездок на отдых за границу, семейные и городские праздники.

Наконец, зафиксированная в представленных источниках история 90-х – это история «выживших» и оставшихся на Дальнем Востоке. Она не содержит свидетельств «победителей», большинство из которых уехали и живут в более комфортных для жизни местах. Безусловно, у них должны быть иные воспоминания. В полученных источниках также не представлены отсутствующие, то есть умершие, скатившиеся на социальное дно. Однако этот скрытый контекст пережитой смертельной опасности, шока, травматического опыта и нынешней выморочности, малолюдности присутствует в воспоминаниях. Фотографии также фиксируют этот эффект отсутствия: опустевшие деревни, малое число молодых людей и детей на улицах, жилые дома с половиной выбитых окон, закрытые детские сады, библиотеки, музеи и школы, заброшенные могилы на кладбищах, за которыми некому ухаживать, увеличение числа диких животных вблизи жилья и т.п.

С формальной стороны сочинения, интервью, а возможно, и фотографии можно отнести к так называемым «документам человеческой жизни» или «наивным текстам». Одной из особенностей такого типа текстов является нарративность, то есть конструирование сюжета не только в соответствии с фактами, но и по канонам определенного жанра, с использованием культурных образцов. Девяностые годы были богаты «событиями», то есть фактами, имеющими драматический интерес, связанными с вопросами жизни и смерти, имеющими прелесть новизны, выделяющимися из повседневной рутины. И хотя немногие хотят вернуться в «эпоху перемен» в реальной жизни, рассказывают о ней охотно.

Ценность «источников человеческой жизни» заключается, помимо прочего и в том, что они фиксируют формы самовыражения и коммуникации, которые очень быстро изменяются и сходят с исторической сцены. Определенные формы высказывания, свойственные людям старшего поколения или сочинения, написанные на бумаге, как и распечатанные с пленки фотографии, – это уходящая натура, которую вытесняют электронные средства коммуникации.

Литература:

1. Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж, 1998. № 10-11. С. 171-172.
2. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общая редакция и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio_Logos, 1993. - 336 с.
3. Гоманюк Н.А. Отражение социокультурных изменений в визуальной саморепрезентации. Одесса: Изд-во Одесского ун-та, 2003. URL: http://ekhsuir.kspu.edu/bitstream/123456789/2668/1/14_vizualnaya%20samoreprezentaciya.pdf (дата обращения: 10.05.2018).
4. Захарова Н.Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии, 2008. Т. 11. № 1. С. 150–162.
5. Козлова Н., Сандомирская И. Я так хочу назвать кино. “Наивное письмо”: опыт лингво-социологического чтения. - М.: Гнозис, 1996. - 256 с.
6. Нарская Н.В. Визуальная социология: из истории становления. URL: <http://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/5572/41.pdf?sequence=1> (дата обращения: 15.05.2018).
7. Чеснокова В.Ф. Флориан Знанецкий. «Науки о культуре». Метод личных документов // Чеснокова В.Ф. Язык социологии. М.: ОГИ, 2010. С. 226-257. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/11/18/chesn/> (дата обращения 7.06.2018).
8. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал, 1998. № 3-4. С. 101–116.
9. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. 2-е изд. - М.: Логос, 2010. - 168 с.

References:

1. Buravoj M. *Razvernutoe monograficheskoe issledovanie: mezhdru pozitivizmom i postmodernizmom* [The extended case method: steering a course between positivism and postmodernism]. Rubezh. 1998, No 10-11, pp. 171–172. (In Russian)
2. Burd'e P. *Sociologija politiki* [Sociology of the policy]: Tr. from fr. / Ed. N.A. Shmatko. M.: Socio_Logos, 1993, 336 p. (In Russian)
3. Gomanjuk N. A. *Otrazhenie sociokul'turnyh izmenenij v vizual'noj samoreprezentacii* [Reflection of sociocultural changes in visual self-representation]. Odessa: Odesskij un-t Publ., 2003. Available at: http://ekhsuir.kspu.edu/bitstream/123456789/2668/1/14_vizualnaya%20samoreprezentaciya.pdf (accessed 10.05.2018) (In Russian)
4. Zaharova N.Ju. *Vizual'naja sociologija: fotografija kak ob#ekt sociologicheskogo analiza* [Visual sociology: photo as subject of the sociological analysis]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2008, Vol. XI, No 1, pp. 150–162. (In Russian)
5. Kozlova N., Sandomirskaja I. *Ja tak hochu nazvat' kino. "Naivnoe pis'mo": opyt lingvo-sociologicheskogo chtenija* [I so want to call movie. "Naïve Writing": A Case of Linguistic-Sociological Reading]. M.: Gnozis, 1996, 256 p. (In Russian)
6. Narskaja N.V. *Vizual'naja sociologija: iz istorii stanovlenija* [Visual sociology: from the history of formation]. Available at: <http://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/5572/41.pdf?sequence=1> (accessed 15.05.2018) (In Russian)
7. Chesnokova V. F. *Florian Znaneckij. «Nauki o kul'ture». Metod lichnyh dokumentov* [Florian Znaniecki . "Cultural Sciences". Method of personal documents] // Chesnokova V.F. Jazyk sociologii. M.: OGI, 2010, pp. 226-257. Available at: <http://www.polit.ru/article/2008/11/18/chesn/> (accessed 7.06.2018) (In Russian)
8. Shanin T. *Metodologija dvojnoj reflektivnosti v issledovanijah sovremennoj rossijskoj derevni* [Methodology of double reflexivity in researches of the contemporary Russian village]. Sociologicheskij zhurnal, 1998, Vol 0, No 3-4, pp. 101–116. (In Russian)
9. Sztompka P. *Vizual'naja sociologija. Fotografija kak metod issledovanija* [Visual sociology. Photography as a method of research]: textbook. 2-d publ. M.: Logos, 2010, 168 p. (In Russian)

THE POST-SOVIET TRANSITION ON THE RUSSIAN FAR EAST IN VERBAL AND VISUAL SOURCES: SIMILARITY AND DIFFERENCES

Kovalevskaya Yulia N.

Candidate of Historical Sciences, senior researcher

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS

tupa67@mail.ru

Abstract. *The objective of the article is to identify differences in the ordinary perception of post-Soviet reforms, which are recorded by different types of sources obtained within the framework of a single research project. Research materials (short memoirs, interviews, photographs) were collected in 2012-2017 during the field studies in Primorskii Krai, Khabarovsk Krai, Amur Oblast and Sakhalin Oblast. With the qualitative methods, the author identifies groups of facts that are invariant events for all sources as well as phenomena that are fixed in the sources of one type, but irrelevant to others. Comparison of visual and verbal sources (audio and written) also makes it possible to reveal the gap between the fact and its interpretation, or rather between the various types of interpretations of the experience. The general analysis of the complex of sources allows us to trace not only significant events, but also routine, everyday practices that are recorded accidentally, as well as hidden meanings that can be understood only from the general context. It is determined that the most repetitive plot in all types of sources is the destruction of Soviet industrial structures, which were not only the basis of daily life support, but also social and cultural dominants of the local community. The crisis of everyday life and anomie/"bespredel" become the center of the narrative about the 1990s, which is explained by both the real traumatic experience and the laws of the narrative genre, where these "events" play the role of a plot culmination. The visual sources record not only the degradation of the material environment, the extreme unevenness and disharmony of the modern social space, but also the signs of renovation of old Soviet objects, as well as entirely new objects and relationships in which, in fact, the achievements of the present are realized. The general context of all sources is the perception of the 1990s as a "redistribution revolution" in which the Far East as a region and most of its inhabitants became victims of "demodernization from above" and lost much of their material and symbolic resources.*

Keywords: *historical sources, 1990-s, the Russian Far East, "documents of human life", post-Soviet society, everyday life, adaptation practices, crisis, demodernization*

Для цитирования: *Ковалевская Ю.Н. Постсоветский переход на Дальнем Востоке России в вербальных и визуальных источниках: сходство и различия// Архонт, 2018. № 3 (6). С. 40-56.*